

Чи Си оставил Инь Люмина ожидать в третьем классе третьего года и поспешно удалился по своим делам.

Инь Люмин подвинул учительский стул и удобно устроился на кафедре, сложив руки на коленях.

Спустя несколько минут раздался резкий звонок, и ученики начали входить в дверь класса, шаркая ногами.

Как только начиналось официальное учебное время — независимо от того, находились ли ученики в зомби-состоянии или возвращались к своей обычной жизни — они молча рассаживались по местам, полностью игнорируя любые обращения, словно переключались в какой-то особый режим ожидания.

Затем громкоговоритель над дверью класса треснул дважды, но вместо привычного механического голоса системы раздался знакомый голос Чи Си, слегка дрожащий от волнения:

— Третий старший год, класс три; третий старший год, класс три; всем ученикам немедленно встать, повторяю, немедленно встать.

Инь Люмин на мгновение замер, его брови чуть приподнялись в немом вопросе.

Почти синхронно, с шорохом школьных форм, все ученики перед ним поднялись со своих мест, их пустые глаза уставились прямо перед собой.

Громкоговоритель продолжил, и теперь в голосе Чи Си слышались нотки торжественности:

— Все ученики третьего класса третьего старшего года должны немедленно выйти в коридор, выбрать по одному горшку с плющом и аккуратно поставить их рядом со своими партами. Обращаю внимание — строго по одному горшку на человека! Никаких драк, никаких беспорядков, никакого обмена!

Голос Чи Си из динамика звучал странно — странная смесь официальной серьезности и нарочито преувеличенной важности, что заставило уголки губ Инь Люминя дрогнуть в улыбке.

Как только объявление закончилось, ученики действительно начали организованно выходить из класса и выбирать горшки в коридоре, их движения были механическими, но точными.

Вскоре они вернулись, каждый бережно нес перед собой по горшку с плющом, их пальцы сжимали пластиковые емкости с неожиданной аккуратностью.

Инь Люмин слегка приподнял бровь, наблюдая за этой сценой: Неужели это действительно

сработало?

Он вышел в коридор и внимательно осмотрелся, его острый взгляд скользил по оставшимся горшкам.

— Да, осталось всего шесть горшков. — Тут же его брови сдвинулись, образуя легкую складку на переносице.

— Значит, действительно осталось только шесть? Это число явно что-то означало.

Шэнь Ло снова материализовался из книги иллюстраций, его полупрозрачная фигура покачивалась в воздухе, когда он саркастически заметил:

— Похоже, в этом недалеком пареньке, как ни странно, все же есть проблески интеллекта.

Инь Люмин бросил на него краткий взгляд, прежде чем ответить:

— Чи Си оказался весьма полезен, это факт.

Шэнь Ло слегка сузил свои призрачные глаза, и в них мелькнула игривая искорка:

— То есть я, по-твоему, бесполезен? Вот как?

Инь Люмин позволил себе небольшую улыбку, слегка склонив голову:

— Я не это имел в виду, и ты прекрасно это понимаешь.

Шэнь Ло фыркнул и уже открывал рот, чтобы отпустить очередную колкость, но заметил странное выражение на лице Инь Люмина.

— Что тебя еще беспокоит? — спросил он, внезапно становясь серьезным.

— Мне кажется странным... — начал Инь Люмин, медленно проводя пальцем по краю одного из горшков, — Почему здесь осталось только шесть горшков с плющом? Эта цифра не случайна.

— Что тут странного? — Шэнь Ло скрестил руки на груди. — Разве не шестеро учеников систематически издевались над Ци Сяобэем? Логично, что их горшки остались.

— Верно. Но тогда возникает очевидный вопрос — где же горшок самого Ци Сяобэя? — Инь Люмин присел на корточки, его пальцы осторожно коснулись земли в горшке. — У каждого в

этой школе есть свой цветок-символ, это мы установили. А какой был у Ци Сяобэя? Куда он делся?

Система распределения цветов в школе к этому моменту была для них довольно очевидной.

Плющ символизировал обычных учеников — это они видели неоднократно.

Девять различных видов цветов в школьном саду олицетворяли учителей девяти основных предметов — именно поэтому, чтобы выполнить задание по дополнительным занятиям, нужно было найти соответствующие каждому учителю цветы.

Гибискусы, блокирующие зомби-учеников, явно представляли школьных охранников — Инь Люмин вспомнил, как при первом входе в сон несколько больших горшков с яркими гибискусами стояли в помещении охраны у входа.

Белые лилии в медицинском кабинете, вероятно, символизировали школьного врача — эта закономерность прослеживалась во всем.

И создатель этого сна, Ци Сяобэй, скорее всего, следовал тому же принципу при формировании своего кошмара.

Инь Люмин сначала предполагал, что плющ Ци Сяобэя просто затерялся среди других, но теперь, когда все остальные ученики забрали свои горшки, его цветок так и не обнаружился, и это не могло быть простым совпадением.

Хотя прямых доказательств не было, Инь Люмин всем существом чувствовал, что именно плющ Ци Сяобэя является тем самым недостающим ключом ко всему этому сну.

Шэнь Ло, наблюдавший за его размышлениями, небрежно бросил:

— Если рассуждать в этом ключе, ты до сих пор не нашел цветок одного довольно важного человека.

Инь Люмин медленно поднял голову и приподнял бровь:

— Ты имеешь в виду Чу Дун? Да, я о ней думал.

Шэнь Ло выглядел искренне удивленным мгновенной догадкой, его брови поползли вверх.

— Я несколько раз наблюдал за ней в саду, — пояснил Инь Люмин, вставая и отряхивая руки.

— Она методично подрезала разросшиеся цветы, но только на одном строго определенном

участке и никогда даже не приближалась к другим клумбам. Это не могло быть случайностью.

— И? — Шэнь Ло наклонил голову, явно заинтересовавшись.

— Цветы, символизирующие большинство людей в этом сне, обычно находятся в непосредственной близости от их обычной зоны активности, — терпеливо объяснил Инь Люмин. — Поэтому я логично предположил, что цветок Чу Дун должен быть где-то в той конкретной части сада, за которой она так ревностно ухаживает.

Однако сады в школе были густо засажены разнообразными растениями, а плющ, будучи невысоким вьющимся растением, легко терялся среди более ярких и крупных цветов. Даже пройдя мимо нужного участка несколько раз, Инь Люмин не смог его обнаружить, что начинало его раздражать.

— Цветок Чу Дун, конечно, важен для выполнения задания, — продолжил он, — но если мы знаем его примерное местоположение, то можем—

Инь Люмин резко замолчал, его тело напряглось.

Он медленно повернул голову, его глаза сузились, когда увидел, что делает Шэнь Ло:

— Ты что, черт возьми, делаешь?

Шэнь Ло невинно теребил помпон на спальной шапочке Инь Люмина своими полупрозрачными пальцами, явно получая от этого удовольствие:

— Просто руки зачесались, ничего особенного. — Он дернул за помпон еще раз, заставляя его покачиваться. — Они такие... пушистые.

Инь Люмин глубоко вдохнул через нос, и на его лице расплылась та самая неестественно широкая улыбка, которая обычно предвещала неприятности:

— Раз у тебя так много свободного времени, господин Шэнь, не найдешь ли ты, где находится плющ Ци Сяобэя? Это было бы куда полезнее, чем играть с моей шапкой.

Шэнь Ло усмехнулся, явно наслаждаясь моментом:

— Я бы с радостью, но, к сожалению, не могу слишком удалиться от книги иллюстраций, как тебе известно. — При этих словах он снова дернул за помпон, сильнее прежнего. — Так что, похоже, мне остается только это.

С тех пор как он впервые увидел Инь Люмина в этой нелепой пижаме с помпонами, ему ужасно хотелось их потрогать. Жаль, что обычно «пижамный» Инь Люмин был настолько раздражительным, что готов был пустить в ход кулаки при малейшем поводе. Хотя злить его было по-своему забавно, дразнить текущую, более спокойную версию доставляло особое, почти детское удовольствие.

Улыбка Инь Люмина стала еще мягче и одновременно еще более неестественной, его глаза превратились в узкие щелочки:

— Отлично. Просто замечательно.

Сегодня ночью я положу конец этому чертовому сну, чего бы это ни стоило! — пронеслось у него в голове.

В этот момент Чи Си вернулся к двери класса и, еще не успев подойти, возбужденно закричал:

— Ну как, брат Инь? Сработало? Они послушались?

Инь Люмин, все еще сидевший на корточках у горшка с плющом, поднял голову и тепло улыбнулся, его предыдущее раздражение мгновенно испарилось:

— Ты был великолепен, Чи Си. Это сработало идеально, спасибо тебе.

Чи Си покраснел до корней волос и смущенно улыбнулся, явно польщенный, затем облегченно выдохнул, как будто с его плеч свалилась гора.

— Я так волновался, что не получится, — признался он, потирая затылок.

— Как тебе вообще пришла в голову эта гениальная идея? — поинтересовался Инь Люмин, вставая и отряхивая колени.

— В нашей старой школе директор обожал такие методы, — Чи Си оживился, вспоминая. — Неважно, были ли это спортивные мероприятия, раздача учебников или противопожарные учения — все проходило через громкоговоритель. — Он засмеялся. — Я заметил, что эта школа удивительно похожа на мою, вот и решил проверить радиорубку. И о чудо — там действительно был рабочий переключатель!

Он горделиво выпрямился, явно довольный собой:

— Я специально сделал объявление только для класса три, чтобы никто посторонний не услышал и не создал путаницы.

Инь Люмин одобрительно кивнул, его глаза сверкнули:

— Молодец. Ты настоящий стратег.

Чи Си довольно рассмеялся, затем его взгляд упал на аккуратно расставленные горшки с плющом.

— Так что теперь? Мы выдергиваем эти плющи и несем их Чу Дун? Или как это должно работать?

Инь Люмин покачал головой, его выражение стало задумчивым:

— Задание формулируется как «помочь Чу Дун сделать ответный подарок». Значит, сначала нам нужно подготовить этот самый подарок, а уже потом передать его ей.

Он закрыл глаза, вспоминая точные слова Чу Дун:

«Срезанные цветы тоже не пропадут даром. После специальной обработки и сушки из них получаются прекрасные гербарии или декоративные украшения», — вот что она сказала тогда.

— Обработка и сушка... — Инь Люмин задумчиво повторил, затем со вздохом поднялся на ноги.
— Похоже, нам придется ждать ночи. Других вариантов нет.

Для правильной сушки цветов, как известно, нужен был огонь — контролируемый, интенсивный жар. А что насчет огня в этом сне... Разве не идеально подходило то самое административное здание, которое каждую ночь охватывало пламя? Это было слишком очевидной подсказкой, чтобы ее игнорировать.

И именно поэтому этой ночью Инь Люмин, Нин Юаньюань и Ян Цзяо стояли на третьем этаже административного здания, готовые завершить то, что начали.

На этот раз всё произошло по инициативе Инь Люмина.

Когда он просил Чи Си передать информацию Нин Юаньюань и Ян Цзяо, то специально подчеркнул, что сегодня вечером они завершат основную миссию.

Поэтому Нин Юаньюань и Ян Цзяо пришли без малейших колебаний.

Нин Юаньюань огляделась по сторонам.

— А где Чи Си?

Инь Люмин оперся локтём о подоконник, его лицо выражало лёгкое раздражение, хотя голос звучал ровно.

— Я дал ему одно поручение.

Нин Юаньюань нахмурила брови.

— Если его не будет здесь в момент завершения уровня, это могут засчитать как провал миссии.

— У нас ещё есть время.

Нин Юаньюань внимательно изучила выражение лица Инь Люмина, чувствуя некоторую неуверенность.

— Остались нерешённые проблемы с основной миссией?

По выражению лица Инь Люмина можно было замерзнуть насмерть.

Инь Люмин повернул голову, позволяя Нин Юаньюань чётко увидеть свои глаза.

— Нет, я просто хочу спать.

Нин Юаньюань: «.....»

Ах да, она забыла, что у этого парня по ночам всегда меняется настроение.

Ян Цзяо предполагал, что даже если Инь Люмин не станет намеренно его преследовать, то уж точно не будет о нём заботиться, особенно учитывая его прежнюю связь с Дин Пэйанем. Неожиданно Инь Люмин отбросил прошлые обиды и всё же сообщил ему прийти для завершения сна. Он был растроган до слёз и пробормотал:

— Спасибо, брат Инь, огромное спасибо.

Нин Юаньюань всё ещё с трудом верила.

— Значит, мы действительно собираемся пройти уровень?

Она огляделась и быстро сообразила.

— Мы должны ждать здесь начала пожара или попытаться его предотвратить?

Инь Люмин лаконично ответил:

— Ждать.

Как раз в этот момент снизу донеслись осторожные шаги.

Инь Люмин и Нин Юаньюань переглянулись, затем оба спрятались в туалете, наблюдая через щель в двери. Ян Цзяо тоже поспешно нашёл себе укрытие.

Топ, топ.

Шаги приближались. Через щель в двери они увидели, как фигура медленно поднимается по лестнице. На площадке показалось молодое лицо — застывшее, но с оттенком высокомерия.

Инь Люмин слегка прищурил глаза.

Это был Янь Хан.

Янь Хан поднялся на третий этаж, огляделся, не увидел никого, и с усмешкой обернулся к тому, кто шёл следом.

— Говорил же, ничего не случится.

Фигура шла за ним, голова была покорно опущена, худые плечи сгорблены, руки перевязаны бинтами, уже слегка запачканными.

Даже не видя лица, Инь Люмин мгновенно узнал Ци Сяобэя.

Ян Цзяо широко раскрыл глаза и прошептал дрожащим голосом:

— Но ведь только что был слышен один набор шагов?

Нин Юаньюань быстро прикрыла ему рот ладонью, приказывая молчать.

К счастью, те, кто был снаружи, ничего не заметили.

Янь Хан усмехнулся, направляясь к архивной комнате, а за ним беззвучно следовал Ци Сяобэй.

По мере их приближения к архивной комнате началось нечто ещё более странное.

Из пола непонятно откуда стал подниматься белый дым, а комки обугленного пепла постепенно расширялись, принимая человеческие очертания, словно оживая. Они молча имитировали осторожные, но хулиганские движения, следуя за Янь Ханом и Ци Сяобэем как тени.

Это были те пятеро студентов, что были поглощены пламенем прошлой ночью.

— Вот, это архивная комната. — Янь Хан остановился у двери, высокомерно подняв подбородок, на лице мелькнуло презрение и злоба. — Ключ у тебя есть, да?

Ци Сяобэй молча кивнул.

— Не ожидал, что ты, такой тупой, смог обмануть Цзян Чэнто. — Янь Хан усмехнулся, с пренебрежением похлопав Ци Сяобэя по щеке. — Тогда мы с ребятами подождём тебя снаружи.

Тело Ци Сяобэя затряслось ещё сильнее, и он заикающимся шёпотом пробормотал:

— Я, я...

— Что, передумал? — Янь Хан порылся в кармане и достал что-то, завернутое в полиэтиленовый пакет. — Разве ты не хочешь получить то, что тебе дала Чу Дун?

— Я...

— Или ты хочешь, чтобы ларёк твоей дурочки-матери снова перевернули? — Тон Янь Хана внезапно стал угрожающим. — Ци Сяобэй, ты что, шутишь со мной?

Тело Ци Сяобэя внезапно замерло.

Спустя мгновение он тихо произнёс:

— Я сделаю это.

Его голос звучал с глубинной апатией и безразличием.

— Вот это другое дело.

Янь Хан махнул рукой, и один из обугленных трупов услужливо подал ему сигарету и зажёг.

Янь Хан неспешно выпустил дымное кольцо, небрежно помахал рукой Ци Сяобэю, затем развернулся и направился к противоположной лестнице.

Ци Сяобэй застыл у двери архивной комнаты, словно статуя.

Спустя мгновение он достал ключ и открыл дверь.

Нин Юаньюань вопросительно посмотрела на Инь Люмина, тот покачал головой.

Через несколько секунд с лестницы снова раздались шаги.

Глядя в щель двери, они увидели, как Дин Пэйань ловко крадётся вверх по ступеням. Его взгляд упал на уже открытую дверь архивной комнаты, и самодовольная ухмылка расплзлась по его лицу, когда он занёс ногу, чтобы переступить порог.

<http://bllate.org/book/13213/1177668>